

Секретный агент Багира

Марина Серова

Клуб обреченных

«Научная книга»

Серова М. С.

Клуб обреченных / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Не думала Юлия Максимова, секретный агент по кличке Багира, что свой долгожданный отпуск она проведет в Питере, расследуя дело об убийстве мужа своей подруги Наташи, с которой собралась лететь на отдых в Испанию. Александра Самсонова, одного из ведущих футболистов «Арсенала», нашли мертвым в шкафу с мячами вскоре после матча. Никаких видимых причин смерти обнаружено не было. Саша не имел врагов, обладал прекрасным характером и легко сходилась с людьми. Странная смерть... Еще более странным было появление бандитов, которые приехали за трупом, но Багира спутала им все карты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Клуб обреченных

Глава 1

«АРСЕНАЛЬНАЯ» ТРОИЦА

В последнее время на меня обрушилось столько работы, что некогда было даже появляться в администрации Тарасовской области, где я номинально числилась юрисконсультom губернатора.

Когда же я подумала, что мне пора передохнуть, мой непосредственный начальник Гром сам вышел на связь и, поблагодарив за отличное выполнение заданий, сказал:

– Багира, у тебя, если не ошибаюсь, уже два года не было отпуска. Приличный срок.

– Не два, а три, Андрей Леонидыч.

– Ну вот. Так что я предлагаю тебе месячный отпуск. Если ты решишь взять его, то можешь считать себя вольной как птица уже с сегодняшнего дня. Съезди отдохни куда-нибудь. Я помню, ты говорила, что не прочь была бы рвануть куда-то там в Испанию?

– На Ибицу, – сказала я. – Как говорится, всеевропейская здравница, кузница и житница.

– Отпускные можешь получить в банке, я уже распорядился перевести деньги на твое имя. Так что не стесняйся, поезжай, Юля.

Юлей Гром называл меня крайне редко. Только тогда, когда желал подчеркнуть, что, кроме уставных и субординационных отношений, нас связывает давнее знакомство, и хоть он и взлетел высоко, все равно помнит, что нас многое объединяет, начиная с той памятной резидентуры в Югославии, когда оба мы еще работали во внешней разведке.

– Спасибо, Андрей Леонидыч. Я тут...

– Багира, – насмешливо перебил он меня, – скорее бросай трубку, вырубай все телефоны, e-mail и беги в банк за наличкой, потому что, не дай бог, мне дадут информацию по какому-нибудь делу как раз для тебя... плакал тогда твой отпуск.

– Есть вырубить все телефоны и e-mail и бежать в банк за наличкой, – в тон Грому иронично отозвалась я. – До свидания, Андрей Леонидович.

* * *

Разумеется, я не колебалась, принять ли предложение Грома насчет отпуска. Раз Гром полагает, что я устала и мне нужно отдохнуть, значит, нужно отдыхать – усталые и измотанные агенты спецотделу госбезопасности, который возглавлял Андрей Леонидович Суров, не нужны.

Осталось только подумать, на какую точку земного шара мне следует променять Тарасов, в котором я, мягко говоря, немного засиделась, если не считать кратковременных рабочих поездок по территории нашей страны, а то и за ее пределы.

Сначала я решила поехать в Петербург, где жила моя хорошая подруга Наташа Самсонова. Когда-то она имела некоторое отношение к моей «конторе», но не прижилась по причине, деликатно выражаясь, профнепригодности.

С Наташей мы давно вынашивали планы поездки на Ибицу. Конечно, считается, что в такие путешествия нужно ехать не с подругой, а с женщиной.

Но могу возразить: вся прелесть подобного отпускного времяпрепровождения в том, что возле тебя не будет маячить одна и та же рожа с ревниво сверкающими глазами.

У меня не было недостатка в поклонниках, особенно если учесть, что я не распространялась на тему моей истинной профессии и рода деятельности. Думаю, немного найдется мужчин, которые будут радоваться, что дама его сердца – спецагент ФСБ и носительница богатого боевого опыта в горячих точках и криминальных разборках.

Так что я решила ехать с подругой – свободная, гордая и красивая.

Последний телефонный разговор с Питером дал понять, что наши планы как никогда близки к своему воплощению: Наташка наконец-то выбила у своего мужа разрешение поехать на Ибицу, которую тот упорно и не без основания считал средоточием распущенности и всевропейской отвязанности, а также деньги на эту поездку.

Впрочем, супруг Натальи все еще колебался, и госпожа Самсонова решила ввести в бой тяжелую артиллерию, а именно: она присоветовала мне явиться в Питер и воздействовать на Александра – так звали ее мужа – непосредственно.

– Они, футболисты, удивительно непробиваемые люди, а мой Сашенька – в особенности, – сказала по этому поводу Наталья. – Недаром в команде его зовут Бульдозер. А у тебя, Юля, как-то получается убеждать его. Он тебя слушает больше, чем меня.

Александр Самсонов играл в питерском «Арсенале» – одной из лучших команд России. Я, откровенно говоря, в футболе разбираюсь не особенно и едва ли могу отличить Пеле от Марадоны.

Но с подачи Наташки, которая не уставала мне трещать о футбольных успехах клуба ее мужа, я вскоре усвоила: клуб «Арсенал» (СПб) – чемпион, «Спартак» (Москва) – фуфлю! Александр Самсонов – герой! Егор Титов, который как раз из «Спартака», – отстой!

Более того, однажды Наташка позвонила мне во время прямой трансляции какого-то матча и заставила включить телевизор. Играл клуб ее мужа и усиленно «выносил в одну калиточку» то ли голландскую, то ли португальскую команду. Судя по восторженным воплям Наташки, на моих глазах происходило событие из ряда вон выходящее, и Александру светили неплохие премиальные за удачную игру. Хотя, откровенно говоря, больше всего показывали не Александра, а еще совсем молодого парня, о котором комментатор пел соловьем, захлебываясь в похвалах и утверждал, что из этого игрока вырастет русский Марадона.

Не знаю, как Марадона, а вот фотомодель из этого молодого человека точно вышла бы: лицо – на обложку журналов, фигура – как у античной статуи, координация движений – на грани возможного.

Смазливый молодой футболист забил в том матче два гола и под конец матча был поименован «великим».

Так что в последнее время я приобрела познания в футболе.

* * *

А еще через сутки я уже была в большой четырехкомнатной квартире Самсоновых на Васильевском острове. Я хотела остановиться в гостинице, но Наташа настояла на том, чтобы те несколько дней, которые я собиралась жить в Питере, я погостила у нее. И так, дескать, редко видимся. Конечно же, я согласилась.

Я сидела в глубоком кожаном кресле и говорила Наталье:

– Мне кажется, что проблему пора закрывать. Что значит: «отпустит – не отпустит»? Ты что, Натуля, маленькая девочка, чтобы вот так слушаться каждого его слова и сидеть в Питере безвылазно, как медведица в берлоге. Так ведь уже середина мая, пора просыпаться, медведица! И тем более, – я покосилась на насупленную Наташку, курившую сигарету за сигаретой, – он же сказал тебе: да, едешь. Ведь сказал же, так?

– Сказал, – ответила она и пригладила свои короткие, постриженные каре темные волосы. – Но Саша у меня, как говорится, хозяин своему слову: сам дал – сам забрал обратно. И еще он говорит, что я должна быть с ним, пока не кончится весь этот кошмар.

– Какой кошмар? – встревоженно спросила я.

– А такой! У них послезавтра финал. Он говорит, что никуда меня не отпустит, пока финал не отыграет. А там видно будет. Дескать, может, он вместе со мной дернет. Только неизвестно, как этот самый финал закончится. Может, выиграют они, может, проиграют. Тогда неизвестно, что будет дальше.

– Какой финал-то? – спросила я.

– А ты не знаешь, что ли?

– Нет. А что?

– Но ведь ты у нас сотрудник чего-то там эдакого, не так ли? – произнесла Наташа, и в ее угрюмом тоне прорисовалось что-то похожее на иронию. Это уже лучше: оживает девчонка.

Хотя, честно говоря, мне не нравилось, когда Наташка начинала припоминать мой послужной список и разглагольствовать о моей деятельности. В конце концов – это конфиденциальная информация.

– Ну так вот, – продолжала Самсонова, – что было бы, если бы тебе предстояло расследование, как говорится, на футбольную тему, а ты про футбол ничего и не знаешь, кроме того, что мяч круглый, поле зеленое и что есть такой знаменитый Марадона.

Я пожала плечами и ответила:

– Ничего не знаю? Ну что ж... у меня большая склонность к самообразованию. По мере необходимости. Так что если когда-нибудь я буду расследовать дело на футбольную тему, то мигом выучу составы всех клубов России, а если потребуется – то и всей Европы. Информация, дорогая моя Наталья, это как блины – нужно выпекать в момент употребления.

Наташа саркастически передернула плечами.

Как раз в этот момент хлопнула дверь, и я поняла, что появился дражайший супруг Натальи. Причем, если судить по гулу мужских голосов в прихожей, не один.

Так оно и оказалось.

В гостиную, где мы с Наташкой пили кофе, вошли трое мужчин. В высоком, атлетического телосложения брютете с широкоскулым лицом и хитро прищуренными серыми глазами я узнала мужа Натальи – Александра Самсонова. Он был в форменной ветровке своего клуба, в спортивном костюме и в кепке, которую он так и не удосужился снять. Впрочем, ни в чем ином я его никогда и не видела – если не считать формы, в которой он выходил на игру.

С ним были двое.

Первый – малорослый, но необычайно плотный и широкоплечий мужчина лет тридцати с хвостиком; в тот момент, когда он входил в комнату, на его почти круглом лице, красном, раздобревшем, сияла самая ослепительная улыбка, какую только можно было представить. Надо сказать, что в сочетании с маленькими прищуренными глазками и лбом, казалось, состоящим из одних складок, выглядело это довольно комично.

К тому же он был лысоват и обладал толстым красным носом с большими ноздрями, отчего приобретал определенное сходство с гориллой, чей волосяной покров был существенным образом прорежен.

Его руки были так длинные, что свисали почти до колен, особенно когда он сутулился.

Пальцы этих длинных рук, толстые, волосатые, непрестанно шевелились и напоминали гусениц.

Но при всей этой отнюдь не голливудской внешности мужчина производил самое приятное впечатление и с первого взгляда вызывал симпатию. К тому же, повторяюсь, его улыбка была просто ослепительной.

– Какой цветник у тебя дома, Самсонов! – воскликнул он, входя в комнату. – Ну Наташу-то я хорошо знаю, мое почтение, любезная хозяйюшка... а вот это что за фея? – Он выразительно посмотрел на меня.

Я невольно улыбнулась, собираясь ответить на комплимент, но болтливый толстяк подпрыгнул передо мной на одной ножке и почти пропел:

– Позвольте представиться: Даниил. Можно Данила. Если по-простому, то Даня.

– Если совсем по-простому, то он у нас Крокодил, или Кроко, – сказал Самсонов. – Это чудо мало того, что носит имя Даниил, так у него еще и фамилия – Нилов. Даниил Нилов... ты только вслушайся, Юля! А Крокодил – это потому что крокодил Данила с реки Нила. И еще фильм такой был – «Крокодил Данди». А у нас соответственно – Крокодил Даня.

Да, надо сказать, у футболистов несколько своеобразное чувство юмора.

– Ну и что? – нисколько не смутившись, отозвался Нилов. – Крокодил, Кроко – это все гнусные инсинуации. Ну посмотрите на меня... Юлия, да? Прекрасное имя. Посмотрите на меня, Юля, неужели я похож на крокодила? А? Нисколько не похож, да! Если уж на то пошло, то куда больше я похож на обезьяну, которая, правда, в детстве кушала много каши и научилась говорить.

Такая непосредственность обезоружила меня: я рассмеялась. Вместе со мной рассмеялась и Наташка.

– Ну и что, что я Даниил Нилов? – продолжал болтливый толстяк. – Между прочим, красиво звучит! Да-ни-ил-ни-лов! А? По-научному это именуется аллитерация. Хотя какая там аллитерация... помнится, в пору моей далекой юности был такой болгарский футболист Бончо Генчев. Само имечко уже чего стоит: Бончо Генчев! Так вот, этот Бончо Генчев давал интервью, а брал интервью тоже болгарин, журналист, которого звали Генчо Бончев! Это не байка. Я серьезно. Там так и написано было: Генчо Бончев берет интервью у Бончо Генчева. Нарочно не придумаешь, а?

Он хитро подмигнул мне и снова засмеялся:

– Бончо Генчев, Генчо Бончев... как бочка под гору в реку катится!

– Даня у нас массажист, – сказал Александр, присаживаясь в кресло и открывая пакет апельсинового сока. – Ему по чину приходится много комплиментов дамам говорить. Хотя в пациентах у него все больше мы, футболисты. Но если очень захочешь, Юль Сергевна, могу организовать тебе массаж от Кроко. Отличная вещь, между прочим, каждую косточку пробирает.

– Все виды массажа, – скорчив хитрое лицо, постным голосом выговорил Нилов, – от обычного до берберского и тайского эротического.

– Ты бы лучше не дурака валял, Нилов, а над моим коленом потрудились, – вдруг произнес третий, стоявший у дверей и до того участия в разговоре не принимавший. – А то тебе Палыч и Белозерский такой берберский массаж устроят, что...

– А-а-а, – перебивая его, басом протянул массажист, – ты, Андрюша, снова всю малину портишь. Только я прекрасной даме начал представлять свою персону, так ты тут же и встречаешь. Избалован вниманием, – повернулся он ко мне, – тлетворное влияние славы, молодости, красоты и, понимаешь, таланта – все это до добра не доведет! Не-е-е-ет, не доведет!

– Вы о себе говорите, Даниил? – спросила я, думая, что если молодость и талант у господина Нилова еще можно предположить, а заявление относительно «славы» оснастить пояснением типа «известен и славен в соответствующих кругах» – то вот насчет красоты Данила сильно погорячился. Впрочем, все познается в сравнении, все относительно, как учил великий Эйнштейн.

Но Нилов быстро меня поправил.

– Да не о себе я, – сказал он. – Я об Андрюше. А я – что я? Я – полуфабрикат эпохи. Разве я похож на растленного славой? Если, конечно, не считать врача команды Славы Котова, который все время норовит меня спойть...

– А ты и не больно-то сопротивляешься, – сказал Александр и повернулся к третьему: – Ну что ты там встал, Андрюха? Грехи не пускают? Садись!

– Только на четверть часа, – сказал тот. – Знаю я ваши посиделки. К тому же мне домой пора. И маме надо позвонить, узнать, что там...

Саша Самсонов сразу посерьезнел.

– Да я все понимаю, Андрюха, – сказал он. – Тем более что Даня у нас человек увлекающийся, а у нас послезавтра финал Кубка. А что у тебя там с коленом?

– Да Котов говорит, связки я немного потянул. Но к послезавтра все должно быть в норме, особенно если наш Данила постарается, – отозвался тот.

Все то время, пока два футболиста обменивались фразами, а Нилов с широкой белозубой улыбкой на толстом довольном лице бросал на меня откровенные взгляды, – все это время я рассматривала того, кого называли Андреем.

У меня создалось впечатление, что он мне знаком. Только вот где я могла его видеть и когда – я упорно не могла вспомнить.

Судя по всему, Андрей был самым молодым из всех присутствующих, включая меня и Наташку. Его красивое загорелое лицо с тонкими, словно точеными, уже вполне определившимися чертами выражало спокойствие, и в то же время казалось, что он о чем-то напряженно и неотрывно размышляет и не может позволить себе расслабиться и вести себя так же свободно, раскованно и чуть нагло, как вот этот толстый массажист Данила.

Хотя было совершенно очевидно, что застенчивостью Андрей не страдает. Когда он поймал на себе мой взгляд, то и не подумал отвести свои чуть раскосые темные глаза, а уголки его четко очерченного рта дрогнули, обозначая холодную полуулыбку, и он резко откинул со лба темные, немного выющиеся волосы.

Откровенно говоря, мужчины модельной внешности, которых я знала, в большинстве своем оказывались самовлюбленными идиотами и совершеннейшими ничтожествами.

Последний же красавчик, с которым я водила знакомство, был полным болваном, запойным картежником, несостоятельным должником – одно следует из другого, не правда ли? – да и к тому же пассивным педерастом.

Андрей явно не попадал ни в одну из этих категорий. По крайней мере, в последнюю – точно. Его внешность, будучи яркой и броской, тем не менее не являлась вызывающей.

Просто спокойная, властная, знающая себе цену мужская красота.

Присмотревшись к нему, я вдруг поняла, что он еще очень молод: двадцать два – двадцать три года, не больше.

Андрей повернулся к Самсонову, что-то вполголоса спрашивая у того, и тут я вспомнила, где я его видела. Оказалось, что я вовсе не знакома с Андреем, и в поле моего зрения он попал только один раз: когда транслировали тот самый матч, который Наташка восторженно комментировала в телефонную трубку и кричала, что теперь ее Сашу могут взять в сборную России и, возможно, его заметит какой-нибудь богатый западный клуб. Как раз в том матче блистал сидящий сейчас напротив меня парень.

Андрей Шевцов. Да... его зовут Андрей Шевцов. Тот самый, кому прочили славу «русского Марадоны».

– Я вас вспомнила, Андрей, – громко сказала я. – Я вас видела по телевизору. Вы забили два гола.

Данила расхохотался, сам Андрей бледно улыбнулся. Ответил же мне Самсонов:

– Ну, то, что ты видела, как он забил два гола... это неудивительно. Он у нас меньше чем по два и не забивает. Лучший бомбардир чемпионата России, что ж вы хотите? Да и вряд ли

его кто-нибудь догонит, если Андрюха будет в таком же темпе шпарить. Он уже второй десяток голов разменял!

– Если доиграю этот сезон, то никто и не догонит, – мрачно сказал Шевцов.

– А что такое?

– Что такое? А ты что, не слыхал, Санек? Вызвал меня и Палыча президент клуба и сказал, что скоро будет подписан контракт с «Барселоной». Меня берут за пять миллионов, понимаешь?

– Пять миллионов... чего? – вмешалась в разговор Наташа, которая все это время курила сигареты и пила кофе.

– Долларов, разумеется. Испанцы вокруг офиса и стадиона так и крутятся, так и крутятся!

Самсонов вскочил с кресла и с силой хлопнул Шевцова по плечу:

– Да ты что же молчал, чудак-человек? Пять «лимонов»? Да ты же миллионером будешь, в «Барселоне» – то! Да ты чего, Андрюха? У тебя лицо такое, как будто ты и не рад!

– Да рад, конечно, – кисло ответил тот.

Самсонов недоуменно переглянулся с Ниловым, который, услышав громкую новость, моментально посерьезнел и, как мне показалось, тут же стал выглядеть на десяток лет старше.

– Понятно, – наконец сказал Самсонов, – радоваться еще рано. Контракт еще не подписан. Сглазить боишься, Андрюха?

– Может, и так... – Шевцов взглянул на настенные часы и поднялся с кресла: – Пора мне. Данила, ты со мной, а?

– Ну конечно, – отозвался утративший беспечность толстяк массажист. – Идем, Андрюха. Мне же еще надо над твоей драгоценной нижней конечностью попотеть. А куда деваться, ёк-ковалёк? Все-таки, понимаете ли, самые дорогие ноги Восточной Европы!

Глава 2

ОФИС «АРСЕНАЛА»: СМЕРТЬ, ПРИТАИВШАЯСЯ В ШКАФУ

После ухода Шевцова и Нилова Александр сказал:

– Да-а-а... шагает парень. А ведь еще два года назад в дубле играл.

– Где? – переспросила я.

– В команде дублеров. А потом попер, попер, и вот теперь – «Барселона» его покупает. Ты, Юля, в футболе, вероятно, не очень, так скажу тебе, что для русского футболиста попасть в «Барселону» – это все равно что для актера угодить в Голливуд. И не на самые последние роли.

Он вздохнул, потом повернулся к жене и спросил:

– Это самое... а на ужин у нас что, Натуль?

– Сейчас, – отозвалась та и ушла в кухню.

Я перевела взгляд с картины, которой в прошлый мой приезд на стене не было, на Александра.

– Я вот что хотела тебе сказать, Сашка. Наташа на тебя жаловалась. Говорила, что ты ее не отпускаешь на Ибицу, куда она давно мечтала поехать. Хотя сам недавно мотался в Таиланд, в Израиль, в Турцию, на Кипр.

– Так я же на сборы, с клубом, – оправдываясь, ответил он. – Вот. К тому же пусть Наташка не строит из себя великомученицу, в Турцию я ее как раз брал. И на Кипр хотел взять, да она приболела что-то. А про Ибицу эту она мне все уши прожужжала. Я уже и денег ей дал, и сказал: поезжай. Но только после того, как досдашь сессию и еще – после финала на Кубок России.

– Экзамены только в конце июня! – крикнула из кухни Наташка. – Что я, полтора месяца буду в Питере сидеть и носом учебники долбить? Я и так и работаю, и учусь, и вообще... что мне, отдохнуть нельзя, что ли?

– Да можно, – примирительно сказал Самсонов. – Отдыхай, но только... только я же тебя просил до финала побыть со мной. Мне так нужно. Мы же можем Кубок взять, понимаешь? Ты должна со мной быть это время!

Наташа с кухни ничего не ответила.

– А Андрюхе Шевцову я не завидую, – сказал Самсонов, снова обращаясь ко мне. – Да, талант от бога, да, звезда. Но он постоянно под таким кошмарным прессингом! Везде без прорыву – журналисты, фоторепортеры, скауты из других клубов, на тренировках, извиняюсь за выражение, дрючат его по полной программе, чтобы форму не терял. И колено это еще... а без Андрюхиного колена нам Кубок не выиграть. Тяжело парню – такая ответственность. А ему и двадцати двух нет.

– Такой молодой?

– Молодой, а хлебнуть успел как старый. Он же безотцовщина, папаша-то мать бросил, когда Андрей еще пешком под стол ходил. Да и мать-то... в общем, болеет она. Лечится в Германии, у нас такие методики не отработаны, да и условия у немцев получше. Андрюха в эту клинику – в Дюссельдорфе она – чуть ли не половину своих заработков отправляет, даром что по новому контракту он больше всех в команде получает.

– А что с матерью?

– А я точно не знаю. Лейкемия, что ли... рак крови. Вот такие дела.

Самсонов вздохнул и покачал головой.

– Н-да, – протянула я. – Не повезло. Хорошо, что сын вот такой. Заботливый.

– А как же ему не быть заботливым, – глухо сказал Саша, – когда у него, кроме матери, и нет никого. Да вот еще друзья – я да Крокодил. То есть Данька-массажист. А вообще странный Андрюха парень, конечно. Девки на него снопами вешаются, а он будто их не замечает. Нилов, шутник хренов, по этому поводу даже байку в клубе пустил, что видели, дескать, Андрюшу нашего в гей-клубе. Это еще на Новый год Даня гнал пургу. Стоит будто Андрюша под елочкой и держится за ручки с размалеванным дядечкой, сильно смахивающим на какого-то эстрадного педика. Ребята долго веселились, ведь уж что-что, а насмешить Даня умеет. Приколоть. Вот только Андрей Шевцов не смеялся. Не понравилась ему шутка почему-то, и он три дня с Ниловым не разговаривал. Андрюха серьезно обиделся, уж я-то это хорошо знаю, сам мирил его с Данилой.

В этот момент в гостиную зашла Наташа и произнесла преувеличенно торжественным голосом:

– Кушать подано, господа.

* * *

После плотного ужина мы перешли в гостиную.

Александр, который, несмотря на скорый финал, позволил себе небольшое отклонение от режима и выпил немного красного вина, стал необычно многословен. Это уже потом, по прошествии времени, когда черед событий, попеременно то трагических, то забавных, то мистически-мрачных, то фарсовых, заслонила этот тихий майский вечер в гостиную уютной квартиры Самсоновых, – потом я подумала, что в этот вечер он выговаривался, как никогда в жизни. Впереди, отделенный от Александра тридцатью шестью часами, был финал Кубка России, высочайшая вершина в жизни Самсонова, – напряжение росло, хотя вино немного распустило переплетшиеся в тугой узел нервы...

И Саша говорил:

– Вообще, конечно, никто не мог помыслить, что вот так через два года Андрюхой будут интересоваться «Барселона», «Милан», «Бавария»... ну и другие клубы, Юля. Просто в дубле он никогда особенно не выделялся. Обычный парень. Конечно, физические данные у него всегда были приличные, стометровку бегал быстрее всех в команде, но... но это еще ничего не значит. В футболе физическая подготовка – это еще не все. У Андрюхи мышление на поле. Интуиция. Он чувствует, куда отскочит мяч. Ну а уж как он с ним обращается, с мячом... Тебе приходилось видеть жонглеров в цирке? – подался он ко мне.

– Конечно.

– Так вот, Андрей на тренировках такое вытворяет, что жутко становится. Он когда работает, на мяч и не глядит, мяч сам вокруг Шевцова как привязанный летает. А удар – как кувалдой по наковальне. Когда штрафные удары отрабатывает, мячи просто лопаются.

Самсонов хитро посмотрел на меня и вдруг резко сменил тему:

– Я что, собственно, о нем тебе рассказываю. Он тебе понравился, да? Ведь так? Я видел, как ты на него смотрела. Так вот... он, когда уходил, спросил меня, не пойдешь ли ты на финал Кубка. – Саша снова хитро ухмыльнулся, покосился на подозрительно посматривающую в его сторону Наташку и добавил: – Надо сказать, Юля Сергеевна, тебе оказана величайшая честь. Не перебивай и вообще молчи, – повысил он голос, видя, что я приоткрыла рот и собираюсь что-то сказать, – дело в том, что Андрей никогда в жизни не удостоил ни одну женщину добрым словом. За исключением, конечно, своей матери. А ты, Юля, как-то сразу попала к нему в фавор. Он сказал, что если ты не откажешься присутствовать на матче, он выбьет тебе билет. Между прочим, все билеты давно раскуплены, так что...

– Знаешь, мой дорогой, – улыбнувшись, сказала я, – мне, конечно, лестно, что я приглянулась вашему звездному мальчику, но ничего, что я не люблю футбол и не понимаю его? Я

вот как-то раз была две недели в Италии в служебной командировке, так там меня на футболе чуть не порвали в клочья, даром что я женщина. Оказывается, я не за ту команду болела. То есть болела – это громко сказано, просто что-то крикнула.

– А зачем же ты пошла на матч? – смеясь, спросил Самсонов.

– Да Джанлука, знакомый итальянец, пригласил.

– А в каком это городе было?

– Погоди... ну да, в Милане. Там местная команда, тоже, кажется, «Милан» называется, играла с этим... ну как его... на колорадских жуков похожи... футболка в черно-белую полочку...

– С «Ювентусом»! – ахнул Самсонов. – Да как же тебя там на британский флаг не порвали-то?! Да-а-а! Ну ладно, Италия – это Италия, а у нас таких фанатиков вроде как нету. Вон в Бразилии и в Аргентине на стадионах вообще стреляют, динамитные шашки взрывают и ракеты пускают. Латиносы!

– После всей этой успокоительной информации, которую ты на меня только что вывалил, как ты думаешь, пойду я на матч или нет?

– Думаю, что пойдешь, – неожиданно сказала доселе молчавшая Наташа. – Я тоже иду. Если Кубок возьмут, там такой грандиозный банкет будет! А потом берем билеты и рвем когти на Ибицу. Идет, а?

Я посмотрела в ее смеющиеся глаза, перевела взгляд на хитро ухмыляющегося Сашу и сказала:

– М-м-м... значит, понравилась я вашему «суперстару»? А сколько, говорите, у него трансферная стоимость? Пять миллионов? Ну что я могу сказать? Только то, что это самый дорогостоящий мужчина, с которым я когда-либо была знакома.

* * *

Пес породы лабрадор, по кличке Либерзон, был куплен моими соседями, семейством Кульковых в Тарасове, за пятьдесят долларов.

Бомж Виктор Семенович, экс-слесарь, ныне проживающий по адресу улица Лесная, канализационный люк с криво выписанным масляной краской известным словом из трех букв (не «мир», и не «май»), – так вот, бомж Виктор Семенович, если не учитывать стоимость его штанов, ватника и единственной золотой пломбы, которую он еще не пропил, потянет тоже где-то на полтинник. Но уже в рублях.

Бизнесмен Георгий Милашвили, который тридцать три раза приглашал меня в ресторан, пять раз – в Испанию, где у него была вилла, и два раза в сауну, был застрелен киллером, получившим за свою работу сто тысяч долларов, – такова цена жизни моего старого знакомого.

За жизнь Андрея Леонидовича Сурова, моего непосредственного начальника и старого друга, я, не задумываясь, заплатила бы миллион долларов. Если бы он у меня был. И если бы – не приведи господь! – сложилась ситуация, при которой этот миллион покупал бы шефу жизнь.

А сейчас, сидя на питерском стадионе «Арсенал», я видела, как на поле неспешно выбегает человек, стоимость которого составляет пять миллионов долларов.

Андрей Шевцов.

Его появление было встречено таким взрывом народного восторга, что меня едва не оглушило, а сидевшая рядом со мной Наташка в майке с номером «10» заорала (иначе я бы просто не услышала):

– Ну что... а ты еще идти не хотела! Да ты что, Юлька? Честно говоря, я когда еще соплячкой была, я сюда знакомиться с пацанами ходила! Ну и познакомилась! С Сашкой познакомилась! Плохо, что ли?

От нее пахло пивом, глаза горели, и я почувствовала себя невольно захваченной этим бешеным выплеском энергии. Конечно, футбол – вовсе не женское дело, но все-таки сходить на него один раз, как на яркое представление, стоит.

Питерское футбольное шоу, как оказалось, не уступило тому, что я видела в Италии. Даже превзошло: в Италии я зевала, невпопад выкрикивала что-то и вяло тянула пиво, а здесь – нет, здесь уснуть было решительно невозможно!

Стадион бушевал. Трибуны, заполненные двумя цветами любимой команды, пускали «живую волну», то есть согласованно вставали и снова садились, отчего возникал эффект пробегающей по рядам волны. Я тоже приняла в этом участие. Там и сям вспыхивали фейерверки, грохотали барабаны, ухали хлопушки, внизу, у самой кромки поля, фанаты кидались на сетку, отделяющую передние ряды от зеленого поля, на котором вот-вот должно было развернуться захватывающее действо. Три или четыре девушки справа от нас, обнаженные до пояса – хотя было не так уж жарко! – и раскрасившие свои прелести в цвета любимого клуба, исполняли какой-то агрессивный и энергичный танец, а сидящие рядом бритоголовые молодцы в форменных майках питерского «Арсенала» поощряли и подбадривали танцовщиц всевозможными выкриками.

Потом начался матч. Честно говоря, я толком не понимала, что происходит на поле, потому что чудовищный гвалт и мелькавшие перед глазами майки, флаги и серпантины мешали сосредоточиться. Когда же Шевцов повел мяч (все-таки не могу понять, зачем двадцать два здоровых молодых мужика толкаются на поле из-за этого белого шарика!) и ринулся к воротам, обыгрывая одного соперника за другим, стадион зашелся в диком вое.

Все замелькало, взлетели вверх руки, колпаки, майки, заметались флаги, и я, окончательно поняв, что следить за ходом всего происходящего мне очень сложно, решительно опрокинула в себя бутылку пива и повернулась к дико орущей Наташке, к тому же вцепившейся мне в волосы, – при виде забитого гола.

Надо вам сказать, что я вообще-то не употребляю спиртного, но чем больше я об этом говорю, тем больше мне приходится это самое спиртное пить.

* * *

Так начался мой отпуск.

А продолжился он в огромном офисе «Арсенала», куда удалось пробиться нам с Наташкой. Хотя на пресс-конференцию не смогли попасть более половины приехавших журналистов.

«Арсенал» проиграл Кубок России.

Шевцов все-таки забил свой гол, оказавшийся единственным в матче.

Только вся соль этого гола состояла в том, что он был забит Андреем в собственные ворота. Я более чем далека от футбола, но вид футболистов, плачущих как дети, произвел на меня значительное впечатление.

Да почему – как дети? Многие из команды «Арсенала» были так молоды – лет по девятнадцать, – что еще недавно и были детьми.

Шевцов сидел возле стены у входа в раздевалку, вцепившись пальцами в волосы. Мимо прошел какой-то высокий моложавый мужчина, голова которого отливала благородной седой, и потрепал Андрея по плечу, а потом наклонился и шепнул что-то ему на ухо. Шевцов поднялся и пошел вслед за седым.

– На расстрел повели, – мрачно сказала Наташка. – Это Белозерский, вице-президент клуба. Он вел переговоры с испанцами, которые хотят купить Андрея в «Барселону»... а тут вот такой подарочек.

Откуда-то сбоку подошел Нилов. Он был мрачен, волосы растрепанны. Сегодня на его массивном круглом лице не сверкала ослепительная улыбка, поэтому тем заметнее были

складки на толстом подбородке, мешки под глазами и большой красный нос. Крокодил Данила выглядел бы комично, если бы не подавленность, которая читалась буквально во всем – в каждом движении, в каждом жесте, в мимике и неподвижном тусклом взгляде.

– Ну вот... присели в лужу, – сказал он. – Андрюха, конечно, да... сплеховал. Йок, как говорят татары.

– А где Саша? – спросила Самсонова.

– А кто его знает? – пожал плечами Нилов. – Может, в раздевалке, может, вообще уехал. Да позвони ему на трубку, что ты, в самом деле. Он же с ней не расстанется. Даже на тренировках не отцепляет.

В этот момент запищал мобильник самого Нилова. Он вздрогнул, складки на животе колыхнулись, и Даня поднес сотовый к уху и проговорил:

– Да, Михаил Николаевич. Да... сейчас. Иду.

– Начальство вызывает, – пояснил он. – А тренера нашего, Георгия Палыча... снимут с работы, наверно. Ну ладно, пока.

– Пока, – сказала Наташа. – Даже не знаю, что делать теперь. Сашке звонить сейчас, конечно, не буду. Не станет он разговаривать. Брать билеты нужно и уматывать.

– Да, мрачно у вас, ребята, – сказала я, разглядывая какого-то молоденького футболиста, подволакивающего ногу и вытирающего мокрое от слез лицо. – Вот говорят, что женщины слезливые и сентиментальные... да ничего подобного. Ни одна не стала бы плакать из-за этого, как его... ах, да – Кубка России! Ну что, Наташка, пойдем отсюда?

Наташа пожала узкими плечами и проговорила:

– Все-таки надо подождать Сашку. Не мог он никуда уехать, как сказал Нилов. Он, верно, где-нибудь с Шевцовым. Утешают друг друга. Сашка же впечатлительный, как... первоклашка. Помню, они там кому-то проиграли, так он две ночи спать не мог и вообще ничего не мог.

– То есть? – спросила я.

– Ну, не мог, понимаешь? И спать не мог, и супружеские обязанности выполнять не мог, – с натянутой кривой улыбкой выговорила Наташа, и видно было по ней, что на душе у нее скребут кошки.

– Ну пойдем поищем его, – предложила я.

Наташа ничего не ответила. Она села в глубокое кресло у стены и задумалась. Не знаю, о чем она думала с таким скорбным видом.

Лично я не видела никакой для нее трагедии в том, что команда ее мужа проиграла финал. Ну и что, что проиграла? С кем не бывает? Обидные поражения случаются в жизни сплошь и рядом.

У меня был один хороший знакомый, Леша Сергеев, который вместе со мной работал в Югославии. Леша был профессионалом высочайшего класса, прошел огонь, воду и медные трубы; за великолепно выполненное задание получил звезду Героя России. Так вот, Леша мог в одиночку вырубить пять или шесть человек без особого труда. А погиб он глупо и нелепо – не в Югославии или в Чечне, а возле подъезда собственного дома, когда вечером шел из магазина. Ему попался пьяный тщедушный мужичонка, который ходил вокруг канализационного люка с гаечным ключом и что-то искал. Когда Сергеев спросил: «Что ты ищешь?» – пьяный мужик ответил: «Тебя!» – и ударил Лешу гаечным ключом.

Леша умер в реанимации от черепно-мозговой...

Примерно такая же ситуация была сейчас у Шевцова, Самсонова и их «Арсенала», только с той разницей, что мой старый друг был убит, то есть потерян безвозвратно, тогда как проигранный Кубок России можно было считать вполне переносимой неудачей, пусть и очень обидной. Особенно для Шевцова.

– Позвоню-ка я Саше! – вдруг резко произнесла Наталья.

Я невольно вздрогнула.

Самсонова набрала номер Сашиного мобильного и стала ждать. Звонок уходил за звонком в наполненную неясными шумами, топотом ног, приглушенными голосами людей пустоту.

– Не берет, – растерянно сказала Наташа. – Не отзывается.

– Да у них сейчас, наверно, командный сбор в раздевалке, – предположила я. – Тренер им что-нибудь говорит насчет этого проигранного матча...

– Да был уже этот сбор! – перебила меня Наташа. – О чем им там больно говорить-то? Проиграли – и проиграли! А Шевцова вообще Белозерский к себе в кабинет забрал. На ковер. Так что о каких еще сборах ты говоришь? Дима, – окликнула она пробежавшего мимо невысокого паренька с целой сеткой мячей, – ты Сашку не видел?

– Самсонова? – отозвался тот. – Не знаю... не видел. Был он в раздевалке, потом куда-то ушел. Его с Палычем вроде Белозерский вызывать собирался. Так что спроси там.

– С каким Палычем? – растерянно просила Наташа.

– С главным тренером нашим, Георгием Палычем. Корневым. Да вон он идет, спроси у него... хотя ему сейчас не до тебя. – И, махнув рукой, футболист Дима исчез.

Наташа повернулась ко мне и произнесла:

– Вот что, Юлька, поехали-ка брать билеты и оформлять визы. У меня уже от его футбола и так ум за разум заходит и все нервы перекручены. Нет его – и пошел к черту! Пусть получает вытек от своего начальства, раз они со своим хваленым Шевцовым играть не умеют!..

После того как мы взяли билеты на авиарейс Санкт-Петербург – Мадрид, чтобы уже оттуда, из столицы Испании, вылететь charterным рейсом в Сан-Антонио, что на острове Ибица, Наталья снова позвонила Александру на мобильный, потом домой, затем опять на мобильный.

Никто не отвечал.

– Наверно, закатился куда-нибудь в кабак со своими Шевцовым и Ниловым и пьянствует с горя, паразит, – недовольно произнесла Наташа. – Ну да бог с ним. Сколько времени, Юля?

– Без пятнадцати десять, – ответила я.

– Да? Уже так поздно, – сказала Наташа. – Последний раз наберу этого охламона.

Она поднесла телефон к уху, долго, не меньше минуты, ждала, потом вздохнула и хотела было уже разъединиться, как вдруг в трубке возник кашель, а потом деревянный голос произнес:

– Алле... да. Это кто?

* * *

Без двадцати десять вечера.

Именно столько показывали настенные часы в офисе «Арсенала». Офис уже опустел, и только двое охранников обходили территорию да уборщица, моложавая старушка со шваброй, размахивала своим орудием труда так, словно в швабру был встроен реактивный двигатель на дизельном топливе.

– Марковна, ты все убрала? – недовольно спросил один из охранников. – Пора закрываться. Сегодня просто бешеный день.

– Бешеный не день, а Белозерский. Как с цепи сорвался. Конечно, его понять-то можно, – неторопливо проговорил второй охранник. – Ну надо же! Андрюха Шевцов так сплоховал, что хоть стой, хоть падай.

– Говорят, на матче был помощник главного тренера «Барселоны» Гутьеррес, – сказал первый. – Марковна, да не маши ты так своей шваброй!

– Тебя не поймешь, – проворчала та, – то велишь мне попроворнее закругляться с уборкой, а теперь – не маши.

– Да отстань ты от нее, Степа. Иди лучше третий этаж и раздевалки обойди. Я там еще не смотрел.

– Ладно, – отозвался круглоголовый Степа и отправился в указанном направлении. Он поднялся по широкой, роскошно отделанной лестнице на третий этаж и прошел по длинному коридору, застланному скрадывающей шаги ковровой дорожкой, мимо ряда лакированных черных дверей с золотистыми ручками.

Офис был пуст. Последними из него ушли главный тренер «Арсенала» Георгий Павлович Коренев и несколько его ассистентов, капитан команды Иван Лавров, Андрей Шевцов, массажист Нилов, а также врач команды Вячеслав Котов, который, видимо, снова был изрядно поддавши. С момента их ухода прошло около часа, и охранник Степа был уверен, что никого в офисе нет.

Он не спеша повернул обратно. Профилактический этот обход имел скорее традиционный характер, нежели представлял собой какую-то реальную пользу.

Степа прошел мимо раздевалок футболистов, массажного кабинета, душевых и инвентарного помещения. Он уже миновал было дверь последнего, как ему послышалось, что за дверью пищит телефон.

Телефон – в инвентарной комнате, где хранятся комплекты формы, бутс, флажки, комплектующие футбольных ворот, сетки и мячи? Откуда?

Степа недоуменно пожал плечами и подумал, что ему, вероятно, показалось. Он было шагнул по коридору, но звонок повторился. На этот раз охранник расслышал его более явственно.

Степа отцепил от пояса массивную связку ключей, приблизился к двери и, подобрав нужный ключ, открыл дверь. Вошел в помещение и зажег свет.

Конечно же, в инвентарной никого не было. Да тут никого и не могло быть! Да и кто мог быть, если все футболисты, руководство и персонал клуба уже давно ушли?

Звонок тем временем не умолкал. Он был приглушен, словно шел из замкнутого помещения, просачивался во внешнее пространство и доходил до настороженного слуха охранника Степы уже сильно искаженным.

Степа постоял на пороге, тряхнул головой, а потом решительно направился к массивному металлическому шкафу, в котором хранились сетки с футбольными мячами. Судя по всему, трели сотового шли именно оттуда.

– Забыли мобильник, что ли? – пробормотал Степа и начал подбирать ключ к шкафу. – А потом опять будут меня щучить... дескать, пропадают вещи на ровном месте, а ты, Степан, не пасешь.

Степа открыл замок и потянул дверь на себя.

И тут же попятился от изумления и ужаса.

Прямо на него из шкафа выпала сетка, плотно набитая накачанными мячами. Но не это вызвало смятение на лице охранника Степы.

Вслед за сеткой с мячами из шкафа вывалился труп молодого мужчины с синяком на лице. Глаза за полуприкрытыми веками остекленели. Труп шумно упал на пол – прямо на то место, откуда секунду назад в панике отпрыгнул охранник Степа.

На поясе убитого был прицеплен мобильный телефон. Именно он издавал звуки, привлекая внимание охранника.

Неизвестно, что руководило Степой в его последующих действиях. Он остолбенело смотрел на убитого, а потом, вероятно, не отдавая себе отчета в том, что делает, отцепил трубку мобильного с пояса мужчины, подключился и произнес, не сводя взгляда с трупа:

– Алле... да. Это кто?

Глава 3

АЛЬТЕРНАТИВА «БЕССРОЧНОГО ОТПУСКА»

– Кто это? – повторил Степа.

В трубке послышался энергичный женский голос:

– Саша?

– Нет... я не Саша. Я Степа.

– Какой еще Степа? Вы что, все перепились там с горя? Зачем вы, Степа, взяли мобильник моего мужа? Где он сам?

– Он... рядом со мной, – сказал охранник.

– Ну так позовите его.

– Наташа, это ты?

В трубке возникла пауза, потом женский голос с уже откровенными нотками нетерпения произнес:

– Да. А что та...

– Говорит охранник офиса «Арсенала» Степан Протасов, – четко сказал тот. – Наташа, немедленно приезжай сюда.

– Куда – сюда?

– В офис.

– Разве Саша еще там? Ведь уже поздно! Где он? Позовите его.

– Я не могу его позвать, Наташа. Приезжай в офис.

– Не можешь позвать? Почему?

Степа опустился на колени возле тела Александра Самсонова и, дотронувшись рукой до его уже остывшего лба, произнес:

– Мужайся, Наташа. Его убили.

Наташа вздрогнула, трубка выскользнула из ее руки и упала на асфальт. Она подняла на меня лицо, на котором зловещими пепельно-серыми пятнами проступала мертвенная бледность, и проговорила:

– Шутят... я надеюсь, что у этого Степы такое сомнительное чувство юмора. Будем считать, что шутка не удалась.

Я подалась к ней, схватила за плечи и впилась ей в глаза яростным взглядом:

– Да ты что, Наташка? В чем дело? Что такое случилось с Сашей?

– Он сказал... он сказал, что мне нужно приехать в офис «Арсенала», – выговорила Наташа и шагнула на проезжую часть.

Ехавшая прямо на нее «БМВ» тормознула, завизжали шины, тонированное стекло опустилось, и выглянувшая из салона лысая башка рявкнула:

– Ну ты, будка, мать твою! Разувай глаза! Смотри, куда прешься!

Я шагнула к машине и, распахнув дверь, проговорила:

– Довезите до «Арсенала».

– Да ты чё, телка? – вежливо поинтересовалась лысая башка. – Я ж и так стрелы типа пробиваю пацанам. Пацаны в бане меня ждут. Хочешь, и вас возьмем... покувыркаемся, – и гoblin, красноречиво покосившись на стоявшую за моей спиной Наташку, мерзко захохотал, скаля зубы, половина из которых была искусственного происхождения.

Я не стала долго разговаривать. Наташка находилась в полуобморочном состоянии и угрожающе покачивалась, а этот отморозок, эта злокачественная помесь орангутанга и потомственного урки в третьем поколении, еще шуточки шутит!

Я чуть наклонилась внутрь салона, протянула руку, а потом неуловимым движением заехала бритоголовому в точку чуть пониже уха. Парень вздрогнул, закатил глазки и упал головой на руль. Отключился, если судить по моему личному опыту да по крепости этой бритой башки, – примерно минут на десять.

Я обошла машину и аккуратно открыла дверь со стороны водителя, молодой человек вывалился из салона и преспокойно улегся на асфальте. Ничего, сейчас не зима. А машину ему вернут. Попозже. Придет какой-нибудь молодцеватый корыстный хлопец из ГИБДД и скажет: ваша машина, уважаемый, обнаружена возле мусорного контейнера, на улице такой-то. А там, кстати, стоянка запрещена. Так что платите штраф, уважаемый россиянин.

– Садись, Наташка, – сказала я. – Поедем в «Арсенал». Да садись же ты!

– Он сказал, что Сашу убили... – пробормотала Самсонова, почти без чувств опускаясь на переднее сиденье. – Он сказал, что...

– На-ту-ля! – Я потрепала ее ладонью по голове, потом решительно уселась за руль и дала задний ход: нужно было развернуться, потому как стадион «Арсенал» и соответственно офис команды при нем находился в противоположной стороне. – Не волнуйся ты так! Ну... может, это глупая шутка! Ты же мне сама рассказывала, как в Турции твой Саша пошел купаться в море и изображал, что он утонул, а ты дико перепугалась и начала звать на помощь, а потом три дня с Сашей не разговаривала. Ведь было такое?

– Было...

– Ну вот. Может, тот, кто взял Сашину трубку, уже напился до клубящихся в углах зеленых чертиков. А сам Саша действительно мертвецки, только мертвецки пьяный – валяется где-нибудь под столом. Они же сегодня Кубок России проиграли! Как говорится, если это не повод хорошо надраться, тогда что же...

А на самом деле на душе было хреново.

– Тот, кто взял трубку, не был пьян, – выговорила Наташа. – У него был такой голос... как будто... как будто это в самом деле правда.

Я хотела что-то сказать, но горло перехватило, и я поняла, что весь мой опыт, вся моя интуиция, наработанные за эти годы, выносят жестокий и безапелляционный вердикт: Александр Самсонов на самом деле мертв.

* * *

Стремительно темнело. Собирался дождь, и с Невы тянуло промозглой – совсем не майской – сыростью. Порывы ветра трепали ветви деревьев. Небо наливалось угрюмой, нездоровой, по-октябрьски свинцовой тяжестью.

Немногочисленные прохожие, кутаясь в плащи и курточки, спешили по домам – укрыться от назревающей непогоды.

Угнанная мной «БМВ» вылетела на встречную полосу и, срезая поворот и не обращая внимания на возмущенные гудки, проехала вдоль чугунного забора и остановилась возле входа в офис «Арсенала». Тут стояло еще несколько машин.

Однако серебристого «Хендэй соната» Самсонова среди них не было.

Почти синхронно с нами, как я заметила, к клубу подъехал серый джип «Мерседес», из которого вынырнули несколько парней и решительно направились к входу в офис.

– Так, – произнесла я, – что-то мне подсказывает, что эти ребята не из прокуратуры или ментовки. Наверно, хотя бы потому, что их машина мало напоминает служебную «Волгу». Вот что, – я порылась в сумочке и протянула Наташке свой сотовый телефон (Наташкин-то разбился и остался лежать на асфальте возле касс предварительной продажи авиабилетов!), – сиди тут, и если что, сразу звони вот по этому телефону. Я пока пойду и посмотрю, в чем дело. Не нравится мне все это... не нравится.

– Я пойду с тобой, – задумчиво пробормотала Наташа и приподнялась на сиденье.

– А вот этого не надо! Сиди тихо и сделай вид, что тебя в машине нет! Не знаю, что и кто за всем этим стоит... но такие шуточки мне не нравятся!

И я выскользнула из машины и направилась к дверям офиса, в которые только что вошел последний из приехавших на серебристом джипе парней.

Как раз в этот момент блеснула молния, гроыхнул гром и разразился дождь, за несколько секунд перешедший в ливень.

Я ускорила шаг и скользнула под козырек «арсеналовского» офиса.

Я потянула на себя ручку массивной двери и прошла внутрь.

Вестибюль встретил меня неожиданной тишиной. Здесь царил полумрак и покой, а удары грома и шум дождя снаружи доносились сюда только глухим буханьем и невнятным бормотанием.

Впрочем, это были не все звуки.

Откуда-то сверху, балансируя на одной и той же ноте, до меня долетали голоса – точнее, отголоски. Несомненно, говорили мужчины. Вероятно, те самые, что приехали сюда на джипе.

Я огляделась по сторонам и увидела охранника офиса. Он сидел в кресле, откинувшись на спину, и дремал. Стало быть, это не он впустил в офис ребят с «мерса», иначе был бы нарушен его сладкий сон.

Значит, есть другой охранник. Этот... Степа. Или – другие.

Я приблизилась к охраннику еще на два шага, намереваясь окликнуть нежащегося в кресле мужчину, и только тут поняла, что он вовсе не спит.

На его лбу, на который легла развесистая тень стоящей рядом в массивной кадке пальмы, виднелась темная метка пулевого пробоя.

Охранник был застрелен выстрелом в упор.

– Черррт! – пробормотала я, бледнея и вынимая из сумочки пистолет, и тут же, повинуясь неосознанному импульсу, обернулась.

«Чувствовать опасность спинным мозгом» я научилась, возможно, не намного хуже той, чье имя стало моим вторым именем, – черной пантеры Багиры. Это дали мне годы практики, годы опасностей и балансирования на самом краю.

Бесспорно, почти любой другой человек на моем месте не успел бы ни почувствовать, ни обернуться и был бы уложен на месте выстрелом из «ТТ» с навинченным глушителем.

Потому что именно он, «ТТ» с глушителем, мелькнул в руке появившегося из-за пролета ведущей вверх лестницы человека. В следующее мгновение я услышала упругий щелчок выстрела.

Я бросилась на пол, синхронно выбрасывая вперед руку с «береттой» и надавливая на курок.

Человек упал, «ТТ» вывалился из его руки, звякнув металлом об пол.

– Отпуск... – пробормотала я, поднимаясь. – Пошла в отпуск, называется.

Я кинулась к лестнице, пробежала мимо валявшегося в луже крови – наверно, я попала ему в шею! – моего несостоявшегося убийцы и за считанные секунды накрутила три пролета. Там, внизу, за спиной, остался полутемный вестибюль с двумя трупами.

Хорошенькое начало отпуска!

И что-то будет дальше?

* * *

Коридор был скудно освещен. То есть он был освещен именно так, как это показывают в американских боевиках. В коридорах с таким освещением удобнее всего перестреливаться до последнего патрона, прячась за повороты, а потом устраивать рукопашный бой с непременно

ными атрибутами: битьем стекол, киданием цветочными горшками, прыжками через горы трупов и, как финал всего, торжественным выходом из здания через окно где-то этак сто двадцать восьмого этажа.

Шутки шутками, но меня в самом деле только что чуть не угробили, едва я вошла в вестибюль офиса.

Ни за что не поверю, что на офис напали экстремальные болельщики питерского «Арсенала», до такой степени тяжело переживающие поражение любимой команды, что пришли к выводу: только кровь может смыть позор!

Не поверю.

Голоса доносились из коридора на третьем этаже. Потом хлопнула дверь, голоса приотмолкли, чтобы через несколько секунд зазвучать с новой силой:

– Да ты чего?..

– Борзеешь?

– Кто вам... – начал было чей-то дрожащий голос, а потом вдруг кто-то пронзительно, по-бабьи, завизжал, обертоны в голосе противно завибрировали, как дергающееся желе холодца, – и все оборвалось приглушенным хлопком. Как будто открыли шампанское.

Точно такое же «шампанское» открывали в вестибюле – когда выстрелили в меня из «ТТ» с глушителем.

Я выглянула из-за массивной колонны, пересекла коридор по длинной диагонали и вплотную подошла к двери, за которой и слышались эти жуткие звуки. На двери, массивной, отделанной лаком, была табличка с надписью «Инвентарь».

Из-за нее доносились сопение, пыхтение, прерывистое хриплое дыхание – как будто там тягали шестипудовые мешки. Потом страдальческий голос выговорил:

– Тяжелый, мать его!

– Ты тащи, а не болтай, – обрезал его жирный дребезжащий голос, приближаясь к двери.

Я сделала шаг назад и отступила к стене. Дверь распахнулась так, как будто по ней ударили стенобитным орудием, и на противоположную стену упала тень высокого широкоплечего мужчины с пистолетом в руке. Нет... «пистолет» – пулеметом.

– Давайте кантуйте, – сказал он и размашисто шагнул в коридор.

Я вжалась в стену еще плотнее, стараясь по возможности слиться с ней.

На стену упали тени еще двоих мужчин, которые несли, судя по всему, третьего. И этот третий был тем самым неподъемным грузом, на тяжесть которого сетовал страдальческий голос.

– А с тем мудозвоном что будем делать?

– А пусть валяется. Его никто не просил не в свое дело лезть. Хотя, если бы не полез, все равно пришлось бы шлепнуть. Сказали убрать всех, кто будет на этот момент в офисе. Тащи, тащи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.